

Быть черною землею... Раскрывъ покорно грудь
Ослабнуть въ пламени сверкающаго Ока,
И чувствовать, какъ плугъ, возившійся глубоко
Въ живую плоть ведетъ священный путь.

Подъ сѣрымъ бременемъ небеснаго покроя
Пить всѣми ранами потоки темныхъ водъ.
Быть вспаханной землею... и долго ждать, что вотъ
Въ меня сойдетъ, во мнѣ распнется Слово.

Быть матерью-землею... Внимать, какъ ночью рождь
Шуршать про таинства возврата и возмездья...
И видѣть надъ собой алмазныхъ рунъ чертежъ—
По небу черному плывущія созвѣздя...

М. Кириенко-Волошинъ.

Новый Годъ.

1.

Снѣжный былъ день.

Снѣжинки летѣли молча,—конца не видать. При-
шелъ вечеръ, принесъ темноту, и въ темнотѣ безъ
пути шелъ снѣгъ, засыпая дороги и крыши, и го-
родьбу.

Пришелъ Васильевъ вечеръ—новый годъ.

Было тепло. Такъ въ февральскую распутицу
бываетъ тепло.

Въ запущенныхъ окнахъ горѣли огоньки. Тири-
рикала гдѣ-то гармонья одноголосая. На коло-
кольнѣ поверхъ жилья съ оттяжкой звонили ко
всеношной. Мѣшалъ вѣтеръ звонить, уносилъ звонъ
въ поле да въ бѣлый лѣсъ.

Винную лавку заперли. Сидѣлецъ съ ключами
пропалъ въ снѣгахъ: больше не проси—ни вотъ
столько не дастъ.

У покачнувшейся убогой избы копошились два
лохматыхъ взъерошенныхъ тѣла, а изъ распахнутой
двери бѣлый валилъ паръ.

— Сволочь, паскуда!—гудѣлъ запекшійся муж-
ской голосъ.

— Не пушу, говорятъ, не пушу!—съ воємъ въ
отвѣтъ визжала баба.

— Оекла, будетъ, слышь...

— У, окаанный, разорвала бѣ тебѣ харю твою
поганую, стерва ты занавозная.

— Заткни глотку, Оекла, слышь, не въ комна-
тахъ...

— Рвань ты коричневая, полосатая! Не допушу
я срамоты на себѣ: плять бы тебѣ, сукину сыну,
пугалы свои дурацкія, нѣтъ... барыни! напакостить
мнѣ на твоихъ барынь!

— Ну, не пойду, слышь, не пойду, — сдался было сапожникъ, да видно, шило кольнуло куда, раз-вернулся и ну колошматить: — лахудра ты, шлюха грачевская...

— Душаты!!! чорты! — взвизгнула баба—свинья рѣзанная, и уродливые закувыркались круглые Кирилль да Оекла и молча давили другъ друга, крѣпко обнявшись, — не разберешь.

Не звонить колоколь ко всеношной, замолчала гармонья одноголосая, тихо на улицѣ. Въ окнахъ огонекъ подергивается краснотой, сочасъ сквозь снѣги тихо на улицу. Не твякаетъ Лайка—пушистая, дремлетъ подъ пушистый снѣгъ; не спятъ одни вострыя ушки да тоненькій носъ.

Палѣво пойдешь—много верстъ, много верстъ — одинъ снѣгъ; направо пойдешь—много верстъ, много верстъ — одинъ снѣгъ.

Кудринъ, закутанный въ огромную шубу, весь въ снѣгу, надорванно молча пробирался среди снѣга. Чуть еще померкалъ день, какъ вышелъ онъ изъ своей комнаты, обошелъ городъ десятки разъ, и теперь опять возвращался домой.

Васильевъ вечеръ—новый годъ или пустынность и глушь и безъ конца дорога пробудили въ немъ другіе годы, другой городъ.

Да и такъ никогда — развѣ онъ могъ?—никогда не забывалъ о нихъ.

Тамъ было не такъ: застроенность города, живая, движущіяся улицы, фонари, экипажи—и ни одной птицы; тамъ было не такъ: суетня, сутолка и спѣшка на всѣхъ парахъ. А надъ всѣмъ одна мысль, и вся душа пронизана только этой одной мыслью. Подымалась она съ зарей—зари тамъ не видно, замирала съ зарей—зари тамъ не видно, и ночью будила и бунтовалась.

А имя ея—свобода.

Въ книжкахъ, въ театрѣ, даже въ оперѣ онъ искалъ воплощенія борьбы за нее. И если не находилъ, шелъ мимо. Но чаще находилъ.

Ибо борьба за свободу—все.

Годъ за годомъ—сердце не улеглось, не остывала горячка.

Что только ни приходило въ голову? — и все это тѣснилось и прыгало по стрункѣ прямо въ ту безконечность: тамъ, не потухая, горѣло вѣчнымъ свѣтомъ одно слово, единственный звукъ—свобода.

Не было будень, не было ненужныхъ, докучливыхъ минутъ. Шибко и гордо бились минуты, часъ за часомъ, годъ за годомъ.

И та, которую онъ встрѣтилъ, представлялась ему его вѣчной спутницей до послѣдней минуты тамъ... Такъ ужъ пошло: въ той безконечности, гдѣ горитъ единственный звукъ—одно слово, стоитъ столбъ, на столбѣ перекладина.

Эхъ, если бы тогда... какое счастье, вѣруя, умереть!

А кончилось ничѣмъ. Попалъ сюда. И ничего не сдѣлано. Вотъ и все!

И опять вспомнилась она такой, какъ ее встрѣтилъ: эти глаза, въ которыхъ читаешь обреченность и горять огоньки необузданной страсти и смѣха...

Гм... они шли съ „Ревизора“, — Кудринъ вобралъ въ себя воздухъ, а съ воздухомъ и всю память о ней, — шли выѣсть, и ему стало вдругъ ясно, что онъ всю свою жизнь только и искалъ ее, только и думалъ о ней и говорилъ свои слова такъ, будто она ихъ слышала. Ему показалось тогда, что я она то же въ тотъ мигъ подумала. И они молчали. Можетъ быть, ему только показалось тогда... И клялись на всю жизнь: они пойдуť выѣсть, они умруť выѣсть... никогда не забудуť, никогда не оставлять другъ друга.

— Она и умереть.

— Да... но...

Кудринъ схватился за карманъ: въ карманѣ на доньшкѣ въ истрепанномъ синемъ конвертѣ хранились нѣсколько писемъ; три года назадъ, въ

первый годъ своей ссылки, онъ получилъ отъ нея эти письма...

— То-то забыла,—протянулся изъ глубины сердца нехорошій голосъ.

— Забыла,—беззвучно сказалъ и передернулся.

Въ кулачекъ сморщилось тѣло.

И одиноко у него, и холодно на душѣ. И забился бы въ снѣгъ, и плакалъ бы... И странно ему: онъ когда-то ужъ все это пережилъ. Да-а, гулялъ съ нянькой, отсталъ и заблудился. А потомъ хватились... Нѣтъ, не все такъ: на немъ теперь огромная неуклюжая шуба, и позвать некого.

— Ай-ай-ай, какой ты!—смѣхомъ протягивается изъ глубины сердца нехорошій голосъ,—какой ты—смѣшной!

Но ему ужъ нѣтъ дѣла, какой онъ: смѣшной или не смѣшной, ему все равно; и если бы сію минуту міръ провалился или... пускай міръ въ таръ-тарары летитъ — пускай! пускай! пускай! — ему ничего не надо.

— Ай-ай-ай, какія глупости!—смѣется нехорошій голосъ, и онъ начинаетъ смѣяться этимъ мелкимъ, не своимъ, захватывающимъ духъ смѣхомъ.

— Свобода!—заливается нехорошій голосъ,—какая свобода! — и, тряхнувъ, острой слезинкой шпыняетъ сердце.

А онъ стоитъ на дорогѣ—весь не больше горошины, не тоньше соломинки, а шуба на немъ гора-горой.

Безпомощно глядитъ вокругъ, а позвать некого.

2.

Домикъ, въ которомъ жилъ Кудринъ, стоялъ особнякомъ прямо подъ вѣтромъ на берегу. Дурная о домикъ ходила слава; и красныя занавѣски въ окнахъ хозяйской половины настраивали на игривый ладъ. Впрочемъ, какъ водится, всякій счи-

талъ нужнымъ плюнуть и выругаться, а шепоткомъ сказать что-нибудь такое, отъ чего саянки текли. Такой ужъ подлець человѣкъ, большаго съ него и не спросится.

Зимой жутко: безъ огня вечеромъ зря не шатайся,—то въ баню волкъ затешется, а то и еще какой грѣхъ—и укукошать спяну и надругаются,—за этимъ въ карманъ не полѣзешь.

А вѣтеръ свиститъ, обсвистываетъ домикъ, выворачиваетъ съ рѣки бѣлыя широкія цолосы—лыжи, поднимаетъ ихъ столбомъ на страшную высь и, закаливъ тамъ въ поднебесномъ холодѣ, пускаетъ гребнемъ на землю. И чешетъ бѣлую землю, расчесываетъ ледяными зубьями до черной плѣши, ажъ паръ валитъ. Дай ему волю, ни волоска не оставитъ. А красное солнце, такое красное, когда на масленицу впервые оно выкатывается изъ тьмы дымовъ, словно изъ жаркой бани, такое красное. И нѣмо стынетъ до захода развершейся пастью.

Изъ домика все видно, не надо и на волю выходить.

А вотъ весной — не насмотришься. Пройдетъ ледъ, встанетъ лѣсъ, зашѣтетъ берегъ, заалѣетъ островъ... Мѣдная ночь. Она все обнажитъ, прогонитъ всякую тѣнь, и, Богъ знаетъ, кто только ни кажется... Цѣлая жизни выходятъ изъ лѣса, поднимаются съ полей, цѣлая жизни плывутъ изъ рѣки, катятъ съ горъ и забредаютъ сюда и пляшутъ у домика. Она перевортываетъ міръ вверхъ тормашками, эта мѣдная ночь.

А тамъ за знойнымъ лѣтомъ осень.

Осень. Золотой листъ летитъ, не держится на деревѣ. Не найдешь въ лѣсу ягоды, одна ягода да и та горькая—рябина. Изъ полей перебираются змѣи въ лѣсъ, уходятъ въ землю. Тѣшится Лѣшій послѣдніе дни надъ соломой, смѣется; я ему чередъ провалиться сквозь землю и до весны ужъ не выскочить.

Пролетать гуси. Вонь журавли.

Колесомъ дорога! колесомъ дорога!—закричать ребятишки.

Ну, кричи не кричи, не услышать, не остановятся; они не остановятся—зими не задержать.

Осень.

Ночь обтыкалась чистыми звѣздами. Постелился Бѣлый путь. Занялись Дѣвичьи зори. Три сестры неподступныя, три сестры—проклятыя весь вѣкъ имъ горѣть зарей.

Вѣтеръ—баюнь трясеть вѣтвями—убаюкиваетъ.

Въ домикъ свѣтъ зажигаю!

И красныя занавѣски надуваются.

3.

Дверь отворилъ наборщикъ Козель.

Кудринъ сконфузился.

Поскорѣ протеръ очки. Сказалъ:

— Тамъ такое творится, всѣ глаза залѣпило, даже до... слезъ.

А я давно поджидаю васъ,—подмигивая единственнымъ глазомъ, куркій и вертлявый, сменилъ Козель въ валенкахъ,—жду, а самъ себя думаю: и куда это могло занести васъ въ такую скверную пору. Почта пришла, перечиталъ всѣ газеты, мнѣ, какъ сами знаете, Александръ Ивановичъ...

Поставили самоваръ. Приготовили все, что нужно, къ вечеру.

Кудринъ сѣлъ къ столу за газеты.

Козель, не умолкая, тараторилъ.

Козла не любили. Цѣлыми днями слоняясь изъ дома въ домъ, каждый разъ заводилъ онъ одю и то же, рассказывалъ вѣчно одну исторію: и о своей тюремной жизни, и о томъ, какъ болятъ у него глаза, и что подѣлываютъ остальные. Работы у Козла не было, подходящаго къ его ремеслу ничего не могло найтись—одна слава, что городъ,

а какое село просторись! Никакихъ книгъ и газетъ не издавалось, и рѣчи объ этомъ не могло быть.

Но Козель не могъ примириться. Не пропуская ни одной газеты, онъ вѣчно критиковалъ ихъ, разбирая по косточкамъ всѣ тонкости печатнаго дѣла. И было такъ, будто завтра же онъ начнетъ свое дѣло на удивленіе не только этой порѣ дьявольской, но и всему честному міру.

Жилъ онъ не одинъ, а съ женой. Жена его—портниха, какъ ни какъ, а безъ работы не сидѣла. Ну, а ему что дѣлать? Дома болтаться, только мѣшать, вотъ и, знай, шатается.

— Я вамъ скажу, Александръ Ивановичъ, по истинной правдѣ, всѣ они, съ позволенія сказать, свиньи. И чѣмъ они заняты? Имъ бы только пьянствовать. Кирилъ съ женой чѣмъ свѣтъ за драку принимается. Иванъ шапши завелъ со злѣшней... Давиться хотѣлъ. Къ женѣ помогать дѣвочка ходить, такъ рассказывала—сама видѣла. Подумайте, пошелъ въ сарай, отстегнулъ тамъ себя помочи, да на помочахъ. Хорошо еще, во-время захватили. Тоже и компанію водятъ! Нечего сказать, хорошая компанія! И я, какъ старший, я не могу сказать этого? Больно видѣть, Александръ Ивановичъ, я въ тюрьмѣ двадцать два мѣсяца высидѣлъ, глаза лишился...

Правда, другіе находились въ лучшихъ условіяхъ. Слесаря, сапожники, они скорѣе могли найти себѣ заработокъ. Но то, что выпадало на ихъ долю, было настолько мелко — притронуться пропадала охота. Все это какія нибудь починки, ногъ стать развѣ мальчишкѣ, но никакъ уже не мастеру. И часто сидѣли, сложа руки. А сидѣть, сложа руки, невозможно. Ну, и бывалъ грѣхъ. Козель принималъ это въ сердце, раздражала его еще и та непочтительность, съ которой относились къ нему.

— А интеллигенты!—перекосился Козель,—Би-

рюковъ знать никого не хочетъ, его и дома никогда не застанешь, все въ лѣсу, а вонъ Дальская... да нешто можно такъ: я, какъ рабочій человѣкъ, и потому, значить,—толпа. Да какая же я толпа, сами посудите?!—и Козель пѣтушкомъ прошелся съ одного конца комнаты на другой и обратно,—а разъ я—толпа, значить, все: и дуракъ, и негодяй, и скотина... Женѣ тоже за кофточку второй мѣсяцъ не платить.

Кудринъ бросилъ газету, уставился на Коала.

Ему хочется сказать, что все это неправда, что это просто нехорошая сплетня, и онъ стучитъ спичкой о коробочку, говоритъ глухо:

— А не скоро еще намъ отсюда...

— Миѣ, какъ агитатору,—жеманится Козель,—сами знаете...

Закипѣлъ самоваръ.

Козель рассказываетъ газетныя новости, которыя только что прочиталъ Кудринъ, и долдонить безъ конца.

Невыносимо скучно.

Понемногу подходятъ другіе.

4.

Кудринъ собирался чѣмъ-нибудь занять этотъ вечеръ, выдѣлать его изъ другихъ вечеровъ, такихъ однообразныхъ, съ пересудами и переругиваніями.

Онъ прочтетъ имъ, онъ напомнитъ о ихъ прошлой жизни, вызоветъ ихъ лучшія воспоминанія, введетъ въ тотъ міръ, гдѣ они раньше жили, и разбудитъ ту душу, которая ихъ двигала.

Развѣ они не были правы? Развѣ ихъ бунтъ не сама правда? Они хотѣли жить лучше. Кто же не хочетъ жить лучше? Они вѣрили, добьются своего, побѣдятъ старый міръ. А на его мѣсто воздвигнуть новый. И будетъ на землѣ—рай.

А можетъ быть, въ этой борьбѣ за лучшую жизнь таятся глухой бунтъ противъ того страшнаго закона, которымъ разъ навсегда положено человѣку здѣсь лишь мечтать, но никогда не увидѣть этого рая.

Почему я долженъ только мечтать?

А если я его и не хочу совсѣмъ, или хочу вотъ, чтобы сейчасъ, а послѣ тамъ, когда-то... да плевать миѣ на все.

А они такъ глубоко вѣрили! Не отъ одного же отчаянія обрекали себя на голодъ и тюрьму и смерть. Они не боялись ея, отдавались ей: пусть ихъ тѣлами она задушитъ этотъ міръ и сама задохнется, а изъ ихъ крови встанетъ новый—новый и безсмертный.

Кудринъ читалъ.

Книга мало подходила къ его мыслямъ. Но ему казалось, именно этими чужими словами онъ и передастъ всю свою душу.

Почему я долженъ пресмыкаться, а въ награду за мое рабство только мечтать?—только мечтать?

Кто положилъ законъ? Зачѣмъ положенъ законъ? И развѣ нѣтъ силы снести съ земли эту твердыню и разсѣять ее навсегда?

И если все это такъ, гдѣ же свобода? гдѣ искать ея?

Нѣтъ, нѣтъ, — человѣческой жертвой, человѣческой мукой земля возьметъ свою свободу.

Кудринъ слышалъ свой голосъ, но этотъ голосъ былъ не его, а чей-то повелительный и грозный,—ея голосъ.

И онъ не можетъ не повиноваться ей.

Онъ поползетъ за ней на колѣняхъ и будетъ собирать прахъ отъ ея ногъ и будетъ просить ее, не смѣя сказать, просить этими глазами, и пусть она ударитъ его по молящимъ глазамъ, пусть она еще и еще ударитъ его, только бы итти за ней—только бы итти за ней.

— Да, да, человѣческой жертвой, человѣческой

мукой вы возьмете рай и не въ мечтѣ только, а здѣсь!

Быль у насъ одинъ сапожникъ Флотовъ,—насколько могъ тихо сказалъ сапожникъ Иванъ Козлу, —колбасу любилъ до страсти. Такъ онъ, ты мнѣ повѣрь, тоже говорить разъ, будто рай дѣйствительно будетъ и самый настоящий, въ родѣ какой-то огромной повсемѣстной колбасной: и ѣшь, и нюхай, сколько влѣзеть.

— Въ колбасныхъ ловко пахнетъ! — обрывисто замѣтилъ Козель и, отвернувшись отъ Ивана, закрылъ свой единственный глазъ.

Кудринъ продолжалъ.

Онъ уже ничего не понималъ, сами собой выговаривались строчки, сами собой выкрикивались фразы.

— А еще былъ у насъ такой Лаврунь,—шенталь Иванъ,—хоть что хочешь, сдѣлать можетъ. Вотъ мы и поспорили разъ, а онъ и говоритъ: хотите, говорить, и сейчасъ нагишемъ въ муравейникъ сяду и, не пикнувъ, высижу четверть часа. Анъ, говоримъ, не сядешь! Анъ, говоритъ, сяду! Лѣтъ, какъ тутъ, неподалеку. Вотъ и отправились. Нашли конку. Спустилъ онъ съ себя штаны, да не говоря худого слова и плюхнулся. Такъ они его, повѣрь мнѣ, какъ есть всего выѣли, самъ я осматривалъ послѣ. А ему хоть бы что, одѣлся да и домой. Только послѣ все почесывался.

— Конечно,—отозвался шорникъ Лупинъ,—муравей не бумажка...

— Ха-ха! — кто-то не удержался и громко захохоталъ.

Кудринъ читалъ.

И не видѣлъ ничего вокругъ себя, не замѣчалъ, что творилось въ комнатѣ,—онъ видѣлъ ее, она одна стояла передъ нимъ такая, какъ онъ ее встрѣтилъ...

Комната, между тѣмъ, набивалась публикой.

Это съ хозяйской половины завсегдатая гости.

Дверь не была заперта: какой-то одинъ зашелъ полюбопытствовать, а за нимъ другой, а за нимъ и третій. Сначала скромно и тихо. Но потомъ отъ тѣсноты ли, либо оттого, что нѣкоторые были не въ себѣ и хотъ кричать не кричали, чтенія вовсе не было слышно.

Комната дымилась: но полкамъ и потолку лѣзь табачный дымъ и медленно спускался на полъ грудой окурковъ.

Свободнаго мѣстечка не было.

Чьи-то руки, будто отдѣленные отъ туловища, висѣли въ увязающемъ воздухѣ, слипались другъ съ дружкой и разлипались, и какая-то нога, лебезя, все ходила кругомъ, да подковыривала.

И вотъ чей-то палецъ кривымъ толстымъ ногтемъ принялся водить по книгѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?

Но Кудринъ все еще бормоталъ что-то, отгоняя назойливый палецъ, какъ муху.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ?—и что-то шершавое погладило его руку.

Книга упала подъ столъ.

— Я васъ гдѣ-то встрѣчалъ, — тянулъ тотъ же спотыкающийся голосъ.

— Вы г-нъ Кудринъ, позвольте съ вами познакомиться, и—Пундикъ!

Кудринъ оторопѣлъ.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ Пундику.

— А я все понимаю, я—паспортистъ, и все это ерунда.

— Вотъ, вотъ видите,—загородилъ Пундика Козель,—вотъ она...

— Отливаясь, долбили крики и разговоры.

— Вы, какъ хозяинъ, — тянулъ спотыкающийся голосъ,—эту ночь веселѣй...

— Это чортъ знаетъ!—слесарь Гавриловъ, обо зленный, поднялъ кулакъ.

— Ура!—заорала комната,—ура!

— Дура-дура!—пересѣкались крики.

Должно быть, пробило полночь. Хлопало, пузырило, чокалось.

Нѣсколько рукъ потянули Кудрина.

Полонъ столъ былъ въ бутылкахъ. Наташили гости.

— Обязательно — какъ хозяинъ — съ новымъ годомъ.

— Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, — подчивалъ сапожникъ Кириллъ, — а это мое приобрѣтеніе, Оекла принесла, самъ коптилъ, самъ солилъ.

— Яичка-съ, яичка-съ, — латошилъ какой-то скользкій.

Кудринъ не сопротивлялся.

— А колбаски, Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, самъ коптилъ, самъ солилъ.

Въ глазахъ зеленѣло, подкашивались ноги. Отшибало память.

— Можетъ, намъ продолжать чтеніе? — спросилъ растерянно Кудринъ.

— Чортъ съ ними, лучше уйти, — сказалъ Гавриловъ.

— Въ сарай, — захохоталъ Лупинъ.

— „Во пиру была, во бесѣдушкѣ...“ — завизжалъ вдругъ пьяный старушечій голосъ.

Разступились.

Посередь комнаты не ходила, а сигала хозяйка-старуха, размахивала сулеей во всѣ стороны.

И шла прямо на Кудрина, зацѣпила его незанятой костлявой рукой. Проливая водку, полѣзла цѣловаться.

Кудринъ не сопротивлялся и, какъ ни противно, поцѣловалъ пьяную старуху. Но старухѣ мало было, она хотѣла еще, еще разъ, — и липкій, беззубый ея ротъ тыкался въ его губы, старался прикусить и подержаться, а лягушачій ошпаренный языкъ норовилъ послаще всунуться...

Хохоть перебивалъ всѣ крики.

— Ай да бабушка!

— Да она любую за поясъ заткнетъ, ха-ха-ха.

— Ху-ху-ху.

— Саня, Саня, — куѣвдилась старуха, — ухъ, хвостомъ пройдуся, сверлитъ, тѣло прыгаетъ, ухъ да—а, во пиру была...

— Александръ Ивановичъ, а Александръ Ивановичъ, — жужжалъ на ухо сапожникъ, — самъ коптилъ, самъ солилъ... варененькой... копчененькой...

— Я васъ обидѣлъ, раз-дра-жилъ! — хваталъ за руку телеграфистъ, — я, можно сказать... мы пришли безъ позволенія... чтеніе послушать... какія-нибудь свиньи-нахалы и тому подобное.

— Ну что-жъ, что старуха, — я зналъ одну.

— Дохлая кобыла.

— Нѣтъ, не дохлая.

— 300 рѣхъ...

— Ну и чортъ съ тобой!

— Я стыда не знаю, — кричитъ осипшій голосъ, — кой стати Богу молиться, я — старуха?! — и, пожимая плечемъ, хозяйка снова зацѣпила Кудрина и молодецки, будто въ двадцать лѣтъ, чижиномъ закружилась съ нимъ.

Онъ выдѣлываетъ невѣроятные прыжки, подпрыгиваетъ мячикомъ и одного хочетъ: удержаться и не упасть.

А можетъ быть, ояъ просто мячикъ, а все остальное — недоразумѣніе? Очки запотѣли, ничего не разбираетъ. Только одинъ ротъ ошпаренный, сжимающийся, какъ резинка.

— Али скачетъ, али пляшетъ, али прыгаетъ, — причитаетъ старуха, приговариваетъ, — ухъ сейчасъ, ухъ пойду, пойдемъ Саня въ баню — въ баню.

И не вынесла нога: со всего размаху грохнулась старуха, а за ней и Кудринъ. И сулея конулась: брызнувъ, полилась водка по полу.

— Я васъ обидѣлъ, можно сказать, безобразный трутъ ужасный, я раз-дра-жилъ?

Нѣсколько человекъ бросились на хозяйку. От-

куда-то появилась веревка. Стали веревкой скручивать.

— Сволочь, цѣлую бутылку, эка сволочь!

— Охо-хо — подлец — перепелястый чортъ — хо-хо, — стонала старуха.

Кудринъ брыкнулъ кого-то каблукомъ и поднялся. Очковъ на немъ не было.

Накинувъ плащъ,
Съ гитарой подъ полой...

И одинъ какой-то голосъ взялъ въ разрѣзъ всѣмъ голосамъ; и стало мутно и душно.

Затирикала гармонья.

Старуха, со связанными ногами, ползла на цѣпкихъ рукахъ и плакала.

Ударились въ плясъ.

Ноги и руки бултыхались, егозя полъ самымъ потолкомъ.

Съ Козла стащили куртку и штаны. И въ однихъ валенкахъ, скрестивъ руки, сѣменилъ онъ отъ печки до полки, залихватски заводя ногу за ногу, какъ заправскій танцоръ.

Было такъ, будто плясала одна валенка съ черной бородой, обѣ одною глазѣ.

Глазъ подмигивалъ.

А передъ Козломъ не плыла, а скакала Оекла, подбирая высоко юбку, и такъ скалила зубы, будто кусать сейчасъ кинется. Шерстяныя вязаныя пагалинки на толстыхъ ногахъ заполняли комнату; и непреодолимо тянуло поймать ногу и ушипнуть..

Въ кучкѣ, у полки съ книгами, размѣстившись поудобнѣе, тишкомъ кусали кому-то пупокъ. Кто-то сопѣлъ и захлебывался.

Кудрина тащили къ столу выпить.

— Вы можно сказать, какъ хозяинъ...

— Я все понимаю,—я паспортистъ...

— Самъ коптилъ, самъ солилъ...

Онъ вѣдь привыкъ съ проститутками шлаться
Пыlkія ласки отъ нихъ получать.
Онъ вѣдь не сдѣлаетъ пыlkія ласки . . .

— Хочешь, я тебѣ всю рожу раскрою.

— Ну-ка, э-э!

Среди каши, топотни и визга какой-то длинный съ рыжей бородой навалился грудью на гармонью, и гармонья хряснула.

А слесарь Гавриловъ, развернувшись, сталъ бить рыжаго по головѣ и по лицу. И слышалъ Кудринъ, какъ тоненько заревѣлъ рыжий, словно ребенокъ, тоненькимъ голоскомъ жалобно.

Тоненькій голосокъ проникъ всю комнату.

Паспортистъ Пундикъ, проливая рыжку, жаловался, что онъ все понимаетъ и нѣтъ для него ничего непонятнаго.

— И все ерунда, ерунда, ерунда.

Какая-то дѣвица, съ растегнутымъ лифомъ, ударя кулакомъ по столу, растроганно объясняла полицейскому писарю, что жить ей тутъ невозможно и что она уѣдетъ въ Австралію.

— И пушусь я въ путь, прямо въ Австралію— въ Австралію.

Кирилъ и Оекла, морща носы, упрекали другъ друга.

И еще какія-то тѣла на кровати, ни на что не похожія, не то смѣялись, не то рыдали.

Кудрину вдругъ захотѣлось взять перечницу и поперчить cadaго. Но перечницы, какъ ни шарилъ, не могъ найти.

— Я васъ обидѣлъ, я раз-дра-жилъ? — тянулъ телеграфистъ.

— Сволочь, цѣлую бутылку, эка сволочь!

Пусть онъ пощепъ волосъ умиленья,
Пусть онъ пощепъ румянѣй лицо...

5.

Знать, надоѣла гостямъ комната. Гонить хмель на улицу. На улицѣ метель мететь, осифѣяетъ окна, птицей заглядываетъ въ трубы, обваливаетъ кирпичи.

Въ комнатѣ темъ.

Но пропадает всякая мысль успокоиться.

За стѣной пищить гармонья одноголосая, тяжелый каблукъ дробно выбиваетъ по полу. Дверь отворяется: кто-то, шарахаясь, бродить по комнатѣ, сбиваетъ со стола бутылки, натывается на стулья и тычетъ въ Кудрина пальцами.

Все горитъ: и подушка, и кровать, и воздухъ.

Хоть бы каплю холодной воды, одинъ глотокъ...

— Попить!—просится, какъ малое дите, и вдругъ холоды сковываетъ все его тѣло, и душа уходитъ въ пятки...

У него пять ногъ, онъ ихъ ясно почувствовалъ..., И онѣмѣвшей рукой пересчитываетъ; не можетъ понять, откуда ихъ столько? и онѣмѣвшей рукой пересчитываетъ.

— Что-что-что?—точить нехорошій голосъ, точить, стучить маленькимъ красенькимъ язычкомъ прямо подъ сердцемъ.

— Попить!—просится, какъ малое дите.

— Свинья!—отрыгнулось подъ кроватью чье-то мертвое тѣло и, широко зѣвнувъ, захрапѣло, поскрипывая зубами.

А онъ ужъ не можетъ ни слова выговорить, онъ забылъ слова, онъ никогда ихъ не зналъ....

— Агу! Агу!

И лежитъ пластомъ и водить руками, ощущается, пересчитываетъ свои цѣлыхъ пять ногъ.

— Агу! агу!

А позвать некого.

За стѣной пищить гармонья одноголосая.

Звонятъ въ церкви къ обѣднѣ; далеко въ поле относить колоколь. По хлѣвамъ скотъ договариваетъ свой ночной разговоръ по человѣчьему.

Пробуждается бѣлый свѣтъ метельный, какъ метельной прошла ночь, встаетъ новогодній день и торопится, чтобы прибавиться на курицій шагъ.

Востроухая Лайка, проспавшись, лаетъ на вѣтеръ.

Александр Ремизовъ.

ОДИНОКІЙ.

Ты затихаешь, мой Римъ... Дневные смолкаютъ шумы.

Вечерняя сходитъ прохлада.

Иду я неспѣшно заросшей тропинкой стараго сада.

Темнѣть...

Вдали огневѣть

Прощальной лаской заката мраморный портикъ дворца и семнадцать ведущихъ къ нему ступеней.

Идутъ со мною вечернія думы,

Печалью повитыя думы,

Вдоль тихихъ аллей.

Вотъ, полускрытый темными пиніями,

Строгими линиями

Бѣлѣтъ алтарь, перевитый плющомъ.

На немъ

Не сжигаютъ давно аромата...

„Богу, чье имя невѣдомо“ — вырѣзалъ я на гранитномъ подножьи когда-то.

А нынѣ

Жгучимъ вѣтромъ пустыни

Выжгло въ душѣ моей тихую радость милыхъ чудесъ.

Закрылась навѣки въ страну осіянную дверь.

Теперь

Я не мечтаю о чудѣ.

И Богъ для меня—лишь Тѣнь, что придумали люди,

Чтобъ ей населить пустынность небесъ.

А вотъ

Нахмуренный гротъ.

Съ застывшимъ, какъ черный хрусталь, волею.

За колоннами входа паутиной густѣетъ мгла.

О сколько разъ, на этой скамѣ, движеньемъ знакомымъ,